

слуги Лазария крепостного переводчика привлекло то, что он мог познакомить русского читателя с образом смышленного, несколько лукавого, но всегда жизнерадостного человека «простого звания», который часто оказывался умнее своих господ. Читатель знакомился со священником, который морил мальчика Лазария голодом, а потом больного и голодного выгнал из дома, с монахом ордена милости, который являлся «ярим врагом монастырской службы и монастырской пищи, любителем погулять на стороне»; с продавцом папских индульгенций — «самым развязным, бесстыдным и ловким торгашем». Не забыты были в повести и дворяне.

Переводя эту книгу, В. Г. Вороблевский оставался верен своим идеям. Устами слуги Лазария он говорил то, что уже невозможно было поведать от своего имени в условиях наступившей дворянской реакции. Лазариль высказывался о праздности мадридских придворных (стр. 38), а русский читатель мог отнести это к екатерининским придворным. Устами Лазария можно было остро высмеять дворянскую спесь (стр. 11) и сказать, что ради сытого куска у более знатного человека дворянин может лгать, притворяться и угождать (стр. 73). Но главной целью, которую ставил себе переводчик, было стремление вызвать симпатии к людям, подобным Лазарилю, т. е. к представителям «третьего сословия». И здесь Вороблевский нашел возможность сказать слово в защиту обиженных слуг, как он уже это делал еще на страницах «Смеси». «У нынешних больших господ, — говорит Лазарилю дворянин, — я наверное знаю, что не стараются они при себе иметь честных людей, а напротив, к ним имеют омерзенье, их ненавидят и держат их за бесполезных, не разумеющих света» (стр. 115).

В посвящении своего перевода Н. А. Демидову «Московского императорского воспитательного дома благодетельствующему и усердному рачителю» Вороблевский писал: «Ни тщеславие, ни ласкательство побудили меня посвятить имени Вашего высокородия сию забавную и несколько нравоучительную книжку, но единственно Ваша склонность к забавным невинным упражнению, также благоволение к подобным мне собраниям».

«Жизнь и приключения Лазария Тормского» выдержала три издания (первое — в 1775 году, второе — в 1792, третье — в 1794) и пользовалась большой популярностью у читателей. Она отвечала на многие очень важные вопросы времени.

Основным классовым противоречием русской жизни всего XVIII века была борьба между помещиками и крестьянами. Она затрагивала и представителей «третьего рода россиян», как